

В отсутствие Шерлока Холмса

L-детективчик вам п-принесу, Г-гарднера. В-вы ведь читаете по-аглицки? Х-хорошо шельма пишет, з-здорово! П-перри Мейсон у него там, з-зверюга-адвокат, з-знаете?.. А п-потом еще что-нибудь д-дам, с-сайнс-фикшн к-какую-нибудь... А-азимова дам, или Б-брэдбери...

А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу

Айзек Азимов остался ученым-химиком, даже когда стал знаменитым писателем-фантастом. Для него на первом месте всегда была красивая и правдоподобная научно-фантастическая идея. Однако не брезговал он и идеями поменьше, лишь бы они были оригинальны. Сказывалась школа Джона Кэмпбелла, писателя и редактора, который упорно и успешно продвигал концептуальную сторону научной фантастики. Издержками такого подхода стали вдруг проявившиеся склонности некоторых фантастов к построениям, далеким от настоящей науки, попыткам доказательств реальности псевдонаучных феноменов, связанных с псионикой, экстрасенсорных и антигравитационных фокусов. Азимов к этому оказался непричастен, спасал его здоровый скептицизм ученого и гигантская эрудиция.

Труды на ниве популяризации науки принесли ему весьма престижные награды. За книгу о химических элементах «Кирпичики космоса» Азимов в 1957 году получил премию Общества Томаса Альвы Эдисона. За книгу «Живая река» — о биохимии крови — премию Американской кардиологической ассоциации в 1960-м. В 1965 году Американское химическое общество наградило его за серию книг химической тематики премией Джеймса Т. Грэди; 1000 долларов в то время — это была сумма.

Самый первый рассказ Азимова, «Затерянные у Весты», был построен на обыгрывании свойств весьма необычного вещества Земли — пресной воды. Используя понижение температуры кипения жидкости с понижением давления, потерпевшие крушение астронавты на орбите вокруг астероида Весты делают из уцелевшего водяного бака импровизированный реактивный двигатель и устремляются к спасению. Попутно Азимов предсказал, что астероид будет покрыт твердой углекислотой. На Весте «сухого снега» не обнаружено, а вот на Марсе он создает прекрасные, во всех смыслах слова неземные картины.

Аммиак ведет себя в химических реакциях, как металл. Ну, так сделаем его металлом и посмотрим, что получится. В рассказе «Открытие Уолтера Силса» Азимов проводит стандартный для фантастики мысленный эксперимент: вбрасывает в современный контекст необычайное изобретение — получение металлического аммиака, который, по предсказанию автора, должен вести себя подобно золоту, обладая сравнимым, а то и превосходящим его блеском. Возможно, сейчас такое гипотетическое соединение удастся рассчитать с использованием достижений вычислительной химии и определить, действительно ли оно будет обладать такими свойствами. Но Азимов, во-первых, вбрасывает его в среду промышленников, политиков и гангстеров, легко меняющихся ролями, а во-вторых, ехидно вспоминает общее свойство аммиачных соединений — на редкость неприятный запах. А уж металлический аммоний будет пахнуть поистине фантастически!

В рассказе «Зеленые пятна» (другое название — «Неудачливый миссионер») Азимов поднимает тогда не очень актуальную проблему биологического заражения иными формами жизни. Исследователи взрывают свой корабль, уничтожают себя и заразившие их инопланетные организмы. Только случайность спасает второй корабль, разгадавший загадку планеты — наличие единой биосферы, связанной в единую гомеостатически равновесную систему чем-то вроде телепатии. И вместе с кораблем случайность спасает Землю. Прошло не так уж много лет, и земные исследователи направили космический зонд «Галилео» на огненную гибель в атмосфере Юпитера, чтобы исключить возможность заражения земными микроорганизмами его спутников.

Химические детективы Азимова — плод его изобретательного и наблюдательного ума, а также его знакомства с изнанкой академического быта, соперничеством за деньги, за позицию, с хитросплетениями человеческих судеб и научных исследований.

Химическая практика предопределила средство убийства во многих его детективах. Цианистый калий — распространенный препарат в те буколические времена, когда химические лаборатории даже не слишком охранялись, поскольку, в отличие от магазинов и музеев, там нечего было красть. Как у Агаты

ХИМИКИ И ЛИРИКИ

Кристианид — неременный атрибут деревенского убийства, поскольку используется в пчеловодстве и легко доступен, так у Азимова убийство в лаборатории организуется из подручного материала. Даже если приходится слегка беллетризовать токсикологию цианида для пушкого эффекта.

По-настоящему оригинальны мотивы преступлений. В романе «Дуновение смерти» это подделка научных результатов — тогда редчайшее явление, ставшее бичом академической жизни в XXI веке. В 2009 году было опубликовано исследование Даниэля Фанелли из Эдинбургского университета, показавшее широкое распространение неэтичных практик в исследовательском сообществе. С тех пор появилось немало примеров подобного рода, особенно в медицине и фармакологии. Ученый старой школы так возмущен нарушением научной этики, что идет на убийство. Да, играет роль обычное старческое тщеславие, да, нравы кампуса не способствуют честным исследованиям, но главный мотив убийцы — воздаяние за преступление против науки!

В рассказе «Что значит имя» убийцу заставляют признаться с помощью знаменитого среди химиков многотомного справочника Бейльштейна. Нет-нет, это не то, о чем вы подумали. Просто имя его составителя оказывается ключевой психологической уликой в разгадке преступления.

А «Задача профессора Неддринга» хоть и основана на химических символах элементов, взятых из таблицы Менделеева, но идет дальше химии — и криптографии тоже — и становится настоящим гимном интуиции, неременной черты настоящего ученого. Рассказ этот свидетельствует еще об одной редчайшей особенности автора. Для него нет рамок, разделяющих области человеческой культуры. В химических символах он видит слова, из атомных весов готов составить небольшое стихотворение.

В рассказе «Пыль смерти» земные химики используют атмосферу Титана, спутника Сатурна, для проведения реакций, которые в земных условиях кинетически невозможны. Но сюжет рассказа детективный, причем писатель умело играет на наших ожиданиях. Имя убийцы нам известно с момента преступления. Однако как его удастся вычислить сыщику? Очень просто. Космос оставляет след на психике, в этом были убеждены фантасты задолго до начала космической эры. В рассказе преступник совершает ошибку — действие, вполне уместное на Титане,

совершенно неуместно на Земле и равняется его подписи под преступлением.

Особая заслуга Азимова в том, что, воплощая фантастическую идею, он выступает не популяризатором науки (каковым, безусловно, становится, когда ему хочется), а писателем, увлеченным человеческими проблемами. В рассказе «Возьмите спичку» фантастические идеи межзвездных путешествий путем перехода от тардионов к тахионам и обратно смешаны с порциями научно-популярных сведений о химическом составе облаков межзвездной материи. Однако рассказ построен на решении (вполне ТРИЗовском, кстати) не столько технической задачи — как заменить недоступный высокоэффективный процесс однотипным доступным и низкоэффективным, — сколько психологической. И главным героем оказывается не гениальный термоядерщик, от которого зависит благополучие звездолета, а наблюдательный школьный учитель, по нынешней терминологии преподаватель «окружающей среды», разбирающийся в психологии, особенно детской. А гении так часто похожи на детей...

Творчество доброго доктора Азимова всегда отличалось несвойственным в общем-то серьезной американской фантастике оптимизмом. Но с годами и его оптимизм пошел на спад. Действие рассказа «Отсев» происходит в наше время — да что там, теперь уже в нашем прошлом. В начале XXI века шестимиллиардное население Земли испытывает растущий голод. И Всемирная продовольственная организация ищет решение, способное удовлетворить международных чиновников, — прорезивание, «отсев» голодающего населения. Идея инструмента селективной смерти с помощью липопротеинов специальной конструкции, возможно, уже шагнула со страниц фантастики в засекреченные лаборатории. И сдерживают ее — как и генетическое оружие — не столько моральные соображения, сколько вполне житейские, соображения здравого смысла, которые неявно сформулировал в этом рассказе автор. Хотят ли создатели этого оружия проверять, а как у них с биохимией и генетикой? Соответствуют ли они, или их родственники, или их друзья эталону этого оружия? Не направлен ли ствол биохимической винтовки на них самих?..

**Владимир Борисов,
Александр Лукашин**